

Исповедь и проповедь Льва Толстого

Сто лет тому назад еще был жив Лев Толстой... На весь мир звучал мощный голос великого писателя, публициста, мыслителя, идеи которого оказали огромное влияние на духовную жизнь России XIX — XX в. Имя Толстого, его личность, жизнь, творчество всегда были в центре внимания всего мира. Каждое слово Льва Толстого, автора знаменитой статьи «Не могу молчать» жадно ловила русская и мировая печать.

Жизнь русского общества шла в постоянном каждодневном присутствия Л. Толстого. Его современники — Чехов, Горький, Блок, Бунин, Маклаков гордились своим великим современником, признавали, что Толстой «не миф, не легенда, что он живая реальность, что он действительно существует, этот старик, на которого смотрит весь мир... Государство не смело тронуть Толстого, Толстой был сильнее правительства». Они успокаивали себя мыслью, что «пока жив Толстой»...

Невозможно понять жизнь, творческую судьбу Л. Толстого, его место в духовной жизни России рубежа веков без знания его дневников, записных книжек, писем, публицистики. В них запечатлены более полувека его собственной биографии и вехи общественно-литературной жизни страны. В них — летопись целой эпохи, позволяющая увидеть, осознать, кем был Толстой для России столетие назад, на чем основан его поистине всемирный авторитет?

Особенный интерес всегда вызывали дневники Льва Толстого; излюбленный им жанр исповеди получил здесь поразительное по своей искренности воплощение.

«Изучение творчества Льва Толстого должно начинаться с его дневников», — справедливо заметил Б.М. Эйхенбаум. В дневниках, записных книжках Толстого с предельной откровенностью запечатлена духовная работа писателя.

Толстой вел дневник всю свою долгую жизнь. Начал семнадцатилетним студентом, в сшитых тетрадочках; а первая записная книжка появилась в 1855 году у двадцатисемилетнего офицера, прошедшего севастопольскую кампанию, хотя уже и автора повести «Детство», а последняя запись 1910 года сделана незадолго до кончины.

Именно своим дневниками последних лет последнего десятилетия Лев Толстой придавал особое значение, считал своего рода духовным завещанием. Он считал их главным, что было создано им в эти годы. «Кроме дневников последних годов, я, откровенно говоря, не приписываю никакого значения», — признавался писатель. — «Дневники же, если я не успею более точно и ясно выразить то, что я записываю в них, могут иметь некоторое значение, хотя бы в тех отрывочных мыслях, которые изложены там. **И потому издание их, если выпустить из них все случайное, неясное и излишнее, может быть полезно людям, и я надеюсь, что вы сделаете это**» (из письма В.Г. Черткову).

По дневниковым записям можно воссоздать историю его жизни и творчества.

1908 год — особый в жизни писателя: 28 августа ему исполнилось 80 лет. Русская и мировая печать широко отметила его юбилей; первый съезд российских журналистов вошел в историю как толстовский, определивший характер чествования своего великого современника.

Накануне юбилея на весь мир прозвучала его статья «Не могу молчать», ставшая манифестом русской публицистики.

В дневниках и записных книжках 1908 г., которые велись за два года до смерти великого писателя, как в фокусе, собраны наиболее важные проблемы позднего Толстого.

В настоящем издании впервые за полвека печатается полностью весь текст Дневников Л.Н. Толстого за 1908 г., где во всей полноте представлены и философские размышления великого мыслителя, и его каждодневная живая жизнь, частная и общественная.

Многие страницы Дневника Л. Толстого, единственный раз полностью опубликованного в Полном собрании сочинений писателя (в 90 томах), ставшего сегодня библиографической редкостью, не вошли ни в 20-ти, ни в 22-томное собрание сочинения писателя, до сих пор не стали достоянием читателя.

Кроме того, в книгу включен и «тайный» Дневник, «дневник для одного себя», который Толстой вел в июле 1908 г. — к этому его вынудил семейный разлад, приведший через два года к уходу писателя из Ясной Поляны.

Втайне от Софьи Андреевны он переписывал свое завещание, жена искала этот документ, устраивала сцены, пыталась отравиться. Не было взаимопонимания в семье, где также «охотились» за Дневником. Софья Андреевна настаивала, чтобы Дневник, как и другие его произведения, после смерти Толстого стал собственностью семьи.

Внимательный читатель будет иметь возможность наблюдать жизнь Толстого день за днем на протяжении 1908 года и по его дневникам, записным книжкам и по (также ставшими библиографической редкостью) «Яснополянским запискам. У Толстого 1904 — 1910». Д.П. Маковицкого.

По дневниковым записям можно воссоздать историю его жизни и творчества.

Дневники были постоянными спутниками Толстого — на письменном столе и тумбочке подле кровати, в кармане блузы или за голенищем сапога во время прогулок. Порою существовало одновременно несколько книжек, особые для записи мыслей, событий, наблюдений.

Свои записи Толстой обычно делал сначала в Записных книжках, а через некоторое время, переписывал их, иногда со значительными исправлениями, в свой Дневник: этому обычно предшествует слово: «Записать», затем под номерами следуют мысли из записной книжки.

Иногда Толстой поручал переписать свои мысли из записных книжек в дневник своей дочери Саше (Александре Толстой) или секретарю Николаю Николаевичу Гусеву, затем просматривал записи, исправлял и вкладывал в тетрадь дневника. В одну из них была вложена и очень важная запись (11 августа) о завещательном пожелании Л. Толстого.

Многие наброски, мысли из записных книжек, нарушая зачастую хронологию (и в подобных случаях мы делали в книге примечания), переносились Толстым в дневник, где обдумывались, дополнялись, уяснялись и затем переходили в статьи, письма.

При этом терялось некое чувство только что обретенного, пусть даже и несколько «корявого» слова, требующего у иных редакторской правки.

Дневники и записные книжки Толстого отражают мучительные поиски открывшейся ему истины; попытки передать только что найденное, пока трудно выразимый свой личный духовный опыт. В записных книжках некоторые суждения писателя отражают порой настроение минуты. Но главное — освоения открывшейся ему истины.

Толстой вновь испытывает муки творчества. В своем дневнике он настойчиво пытается определить уже понятое им, но вновь ускользающее из-под его пера — ведь «у Бога есть другой язык, другое средство передачи истины: наше сознание Его сущности».

Отсюда дневниковая скоропись, не дописанные слова и повторяющиеся мысли, зачастую несколько «непричесанный» язык, стилистическая неуклюжесть, в которой он признавал-

ся в письмах. Писатель спешит зафиксировать найденные слова, уточняющие его мысль, спешит за ускользающим в попытке передать свой духовный опыт. В дневниках встречаются — драгоценные для нас — разные, очень искренние толстовские признания и самооценки: «хорошо», но и «не вышло», «не то, думал лучше», «что-то есть, но неясно» и даже — «чепуха».

Толстой в последние годы настойчиво повторял, что о религиозно-философских вопросах писать надо «с величайшей осторожностью и вниманием, без риторики, фраз и, помилуй Бог, — рифм».

Чтобы понять Толстого — необходимо не только читать его, но и так жить.

И как и в первых своих произведениях Толстой апеллирует к «понимающему» его читателю, это тот же порыв прорваться сквозь душевную скорлупу читателя; неслучайно реплики его о своих собеседниках: «этих ничем не проймешь...». Возможно, многим читателям сожаления Толстого о своих падениях, грехах могут показаться чрезмерными — ведь мало кто сегодня воспринимает, ощущает свою жизнь как несправедливую, греховную, изменяя жене, купаясь в сытой роскоши рядом с обездоленным.

Толстой стремится передать другим людям то, что уяснил, понял сам. Он говорит о себе не от эгоистической сосредоточенности на своем «я» (в чем упрекали его многие критики), а от стремления, познав себя, пройдя свой мучительный путь, на своем опыте убедить читателя.

Дневники Толстого поражают своей предельной искренностью — это исповедь. Толстому важно прежде всего уяснить вопрос для себя, чтобы затем — поделиться своим духовным опытом, объяснить, убедить читателя. Обретенную им истину Толстой стремился открыть и всем людям, «милым братьям»,

как он называет своих читателей. Отсюда страстность его проповеди, яркие обращения; в записных книжках — лаконизм, афористичность записей.

В последние тридцать лет жизни художественная работа не представлялась Толстому уже главным делом, смысл творчества понимался иначе — это было прямое обращение к публицистике: «Если хочешь что сказать, скажи прямо». После «Исповеди» усиливается голос Толстого-проповедника

В публицистике Л. Толстого звучит исповедь и проповедь. Он стремится убедить читателя в том, что понял сам в результате мучительных исканий. И это не эгоистическая сосредоточенность на себе (в чем зачастую упрекали писателя), а воздействовать своим опытом.

Отсюда прямые обращения, горячие призывы: «Пора понять», «Пора опомниться», «Верьте себе», «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и рабочим», «Царю и его помощникам», знаменитое «Не могу молчать».

Толстой убежден, что людям «пора понять», что невозможно жить по-старому, «нельзя так жить».

Толстой-публицист горячо верил в силу убеждения словом.

Он ставил страстные вопросы и, найдя ответы на них, горячо призывал: «Одумайтесь», «Любите друг друга».

Назначение Дневника Толстого многообразно. Он служит и ежедневным «журналом занятий», и местом исповеди, и лабораторией первых литературных опытов.

Разнообразно и его содержание. В нем, помимо записей о собственной жизни, много интересных наблюдений над окружающей действительностью, над людьми, много раздумий на общественно-политические, философские и эстетические темы.

В последние годы его Дневник претерпевает существенные изменения.

Все, имеющее характер кратковременных записей для памяти, заносил в записные книжки, которые он, начиная с 1855 года, всегда — дома и в пути, днем и ночью — держит при себе.

В Дневнике большее место занимают записи, обосновывающие его религиозно-нравственное учение. Содержание дневников Л.Н. Толстого разнообразно: поражает мысль гениального писателя, выдающегося мыслителя, увлеченного общественного деятеля. Перечни замыслов и заметки к ним, наблюдения над окружающим, записи разговоров с людьми, мысли о мире и о себе, о прочитанных книгах, личные размышления переплетаются с открыто публицистическими обращениями к людям, «милым братьям».

В дневниках и записных книжках писателя содержатся отклики на события внутренней и международной жизни, отражен обширный круг общения Толстого.

Дневник помогает развеять мифы, образовавшиеся вокруг сложной личности Льва Толстого: об аполитичности Толстого, о том, что он был «противником прогресса», «врагом науки».

На страницах дневника, оставаясь «наедине с собой», Лев Толстой беседовал с высказывал и свои сомнения и свои заветные мысли.

Дневник свидетельствует, что день Толстого был предельно уплотнен: работа над очередной статьей (новой повестью, воззванием, обращением к людям, молодежи), обдумывание новых замыслов, хлопоты по делам (к нему ежегодно обращались за помощью сотни людей), чтение писем и ответы на них, беседы с многочисленными посетителями: иногда более 40 человек.

И почти каждую неделю были корреспонденты русской и иностранной прессы, чьи заметки перепечатывались другими изданиями.

В дневниках Толстого отражена его глубокая умственная духовная работа — ежедневное чтение Библии, философской литературы — Конфуция и Ницше, Вл. Соловьева и Бердяева, художественной — от Гомера до Мопассана, Бернарда Шоу и Горького. Чтение журналов и газет — русских, француз-

ких, английских, немецких, американских; советы начинающим авторам, редактирование текстов.

Дневник Толстого был вехой на пути развития жанра, разработанного в «Круге чтения» «Мысли мудрых людей» и книге «Путь жизни».

Размышляя о значении своего Дневника, Толстой записывал:

«Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей — преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня, телесно, не будет... они — я. Они доставляют *мне* благо».

В Дневнике и публицистике позднего Толстого настойчиво повторяется мысль о том, что жизнь есть благо: «Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого...».

Толстой, в отличие от многих, обвиняющих других в своих несчастьях, не обвинял никого — ни отдельных людей, ни всеобщее устройство мира. Он утверждал: «Радуйся на небо, на солнце, на звезды, на траву, на животных, на людей. И блюди за тем, чтобы радость эта ничем не нарушалась. Нарушается радость, значит ты в ошибся где-нибудь — ищи эту ошибку и исправляй». И эта позиция определила жизнь Толстого. Вся жизнь писатель стремился к совершенствованию своей личности, о чем и свидетельствуют его дневники.

Это исповедь его души, где с предельной искренностью рассказано о преодолении страха смерти.

Из дневниковых записей Толстого мы узнаем, что юбилейные чествования все-таки вызвали у него искушение мирской славой, и заставили бороться с «дьяволом тщеславия».

Поразительная запись в дневнике 1908 г.: «Да, работать надо над собой — теперь, в восемьдесят лет делать то самое, что я делал с особенной энергией, когда мне было 14-15 лет: совершенствоваться». И чуть позже запись 80-летнего писателя, обращенная к себе: «Учись жить».

Дневники Толстого последних лет писались в постоянном ожидании близящейся смерти, поэтому запись каждого дня завершалась фразой: «если буду жив»; в сокращении — е. б. ж.

Толстой пристально всматривается в работу своей души. 10 марта 1908 г. он записывает: “Ровно месяц не писал. Занят был за письменным столом статьей. Не идет, а не хочется оставить. Работа же внутренняя, слава Богу, идет не переставая и все лучше и лучше. Хочу написать то, что делается во мне и как делается; то, чего я никому не рассказывал и чего никто не знает” .

Завершают книгу статьи Льва Толстого, над которыми он работал на протяжении 1908 года. Тогда они были опубликованы в России лишь с цензурными купюрами, и — парадокс! — сегодня также мало известны и современному читателю.

Это и знаменитая, ставшая манифестом русской публицистики, статья «Не могу молчать».

И статья «Благо любви» (обращение к людям-братьям), написанная как пронзительное, взволнованное напутствие писателя всем людям (не случайно дневниковая запись зачастую завершается знаменитым: «е.б.ж.», так Толстой обозначал — «если буду жив». Настойчиво утверждая в последние годы жизни, что благо наше только в братском единении людей, он и перед лицом приближающейся смерти, пишет: «Милые братья, ... мне и страшно и, главное, странно думать о той ужасной ненавистнической жизни, которой живет теперь большинство из нас, людей, рожденных для любви и для блага».

В этой коротенькой статье Толстой стремится убедить, что жизнь наполнена «блаженством любви и к близким, и к своей душе, к добру и ко всему живому...» Он убежден, что нет «высшего блага, чем любовь».

Писатель вновь настойчиво призывает нас «опомниться», освободиться от старой губительной «ужасной инерции заблуждения», напоминает что насилие, «животная борьба», свойственна человеку. Да, признает писатель, современная жизнь требует злобы, «участия в делах нелюбви к одним братьям ради других». И мы, пишет Толстой, «вместо радостной

жизни, жизни любви» не находим ничего лучшего, как «ненавидеть, бояться, мучать, мучаться, убивать, запирать, казнить, учиться убивать и убивать друг друга». «Ведь это ужасно!» — восклицает писатель.

В публицистике Толстого последних лет звучала надежда на возможность перехода к новому веку — веку без насилия. Писатель исполнен веры в то, что в духовном сознании людей произойдет «неизбежный переворот», который утвердит новое, подлинно христианское мироощущение. И всей душой веря, что всякое усилие, «хотя бы самое слабое», содействует этому, Толстой советует прожить с любовью к людям «хоть один день. Хоть один день, оставаясь в тех условиях, в которых застал вас день, поставьте во всяком деле руководиться одной любовью». И с горячей убежденностью он обращается к нам: «поверьте, что любовь, только любовь выше всего: любовь есть назначение, сущность, благо нашей жизни».

Толстой горячо призывает и нас, своих читателей XXI века: «Милые братья, ради Вашего блага «усумнитесь в той кажущейся вам столь важной внешней жизни, которой вы живете», поймите, что все «устройства общественной жизни миллионов людей — все это ничтожные и жалкие пустяки в сравнении с той душой, которую вы сознаете в себе... Живите только для нее и ею, тою любовью, к которой она зовет вас». И главное: «Только поверьте открытому и зовущему вас к себе благу любви».

Небольшая, в несколько страниц статья Льва Толстого «Не могу молчать» принадлежит к числу лучших публицистических творений великого писателя, она стала манифестом русской публицистики. Это выдающийся документ русской общественной мысли начала XX века.

В история мировой публицистики она занимает достойное место наряду с статьями Э. Золя, Р. Роллана, В. Гюго, Г. Гессе.

Все, что было передумано, прочувствовано, пережито Толстым за годы первой русской революции, выразилось здесь с особенной силой.

Статья «Не могу молчать» вобрала в себя мучительные размышления писателя, десятилетиями накопленные. Здесь сказался опыт его публицистических выступлений и общественной деятельности 1880-90-х гг. — переписи населения в Москве, помощь голодающим крестьянам; прозвучали страстные, исполненные негодования публицистические формулы писателя: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты».

В статье «Не могу молчать» мысль выражена предельно лаконично, и образно: «Так жить нельзя. Я, по крайней мере так жить не могу и не буду!».

Толстой переживал творимые правительством злодеяния не только как тяжелое общественное бедствие, но и как личную трагедию. Его дневники позволяют увидеть, как эта статья была поистине выстрадана; она выразила негодование и боль писателя.

Толстой в этой статье вновь разоблачил те «глупые и жестокие» приемы, которые правительство применяло в борьбе со своими идейными противниками.

В этой статье Толстой открыто, на весь мир заговорил о государственной политике в России. «Трагизм положения русского правительства теперь в том, — писал он в этой статье, — что, несмотря на то, что оно не может не видеть, что от приложения тех глупых и жестоких средств, которыми оно пользуется, положение только ухудшается, оно не может остановиться».

Толстой показал ярко и убедительно «всю жестокость, губительность того государственного насильнического устройства», ту ужасающую степень нравственного упадка, до которой доведены люди, участвующие в этом.

Писатель с негодованием пишет о том, что люди, стоящие на высших ступенях общественной лестницы, отбросили, как ненужную ветошь, все то, чем они раньше прикрывали свои мерзкие дела, и уже открыто встали на путь насилия. «Если предшественники их еще считали нужным притворяться, теперешние уже находят это совершенно излишним: они зна-

ют, что то устройство, которое они поддерживают и которое нужно для их удобства жизни (для получения жалованья), держится на обмане и насилии, не имеющих ничего общего ни с религией, ни с нравственностью, ни с здравым смыслом, и что все это очень хорошо знают и что поэтому совершенно излишне притворяться».

Огромную известность «манифест Толстого» получил за границей. Это выразилось, прежде всего, в необычайно широкой публикации статьи во всех странах мира. В Германии, например, она вышла одновременно в 200 различных изданиях и вызвала многочисленные комментарии со стороны деятелей всех направлений. Еще большее количество газет и журналов напечатало статью и откликнулось на нее в Англии, Франции, Италии, США и в других странах мира. Огромный резонанс получила статья и в странах Востока

В дневнике Толстой говорится о полученных письмах по поводу статьи. Сочувственные вызвали у него чувство благодарности, «ругательные», как он их называл, чувство боли и огорчения.

Среди «ругательных» писем было страшная посылка с веревкой, автор которой советовал Толстому самому затянуть намыленную петлю на своем старом горле, «не утруждая правительство».

Из дневника Толстого видно (см. **20 июля 1908 г.**), с каким нетерпением он ждал откликов на статью. Ему было важно, каково будет ее воздействия на русское и мировое общественное мнение. **Толстой был доволен общественным резонансом, вызванным статьей.**

Мнение многих своих современников публично выразил **И.Е. Репин**. В газете «Слово» (10 июля 1908 г.) он опубликовал следующее заявление «Лев Толстой в своей статье о смертной казни высказал то, что у всех нас, русских, накипело на душе и что мы по малодушию или неумению не высказали до сих пор. Прав Лев Толстой, — лучше петля или тюрьма, не-

жели продолжать безмолвно ежедневно узнавать об ужасных казнях, позорящих нашу Родину, и этим молчанием как бы сочувствовать им.

Миллионы, десятки миллионов людей, несомненно подпишутся теперь под письмом нашего великого гения, и каждая подпись выразит собою как бы вопль измученной души. Прошу редакцию присоединить мое имя к этому списку».

1908 год был самым свирепым годом правительственного террора, когда число смертных приговоров и «столыпинских галстуков» достигло наивысшей точки. Именно в этот год появляется знаменитая статья Льва Толстого «Не могу молчать», ставшая манифестом русской публицистики.

Дневниковые записи наглядно показывают, как вызревал в сознании писателя замысел статьи.

20 января 1908 г. писатель приступил к своей программной статье, впоследствии озаглавленной «Закон насилия и закон любви». Основной замысел ее — в противопоставлении господствующему в мире «закону насилия» евангельского «закона любви».

Писатель был потрясен газетными известиями о казнях, с ужасом говорил о сообщении, что за полтора года (с января 1907 г.) правительство перевешало уже свыше 2000 человек: «Это уже столько, сколько было казнено во Французской революции».

Тогда же Толстой отослал министру внутренних дел П.А. Столыпину второе письмо, ответа на которое и не ждал; он писал, «чтобы узнать, что к ним обращаться бесполезно».

Отправляя статью В. Г. Черткову для издания, Толстой писал ему 1 июня 1908 г.: «Это так мучает меня, что я не могу быть спокоен, пока не выскажу всех тех чувств, которые во мне это вызывает...». Надеясь на могучее воздействие, которое статья окажет на русское и мировое общественное мнение Толстой торопился ее опубликовать: «Мне прямо хочется ее поскорее напечатать... А там будь, что будет, а я свое исполнил».

Судя по дневниковым записям, Толстой с нетерпением ждал появления статьи, искал в газетах известий о «Не могу молчать» и «желал бы, чтобы она имела успех».

Потрясенный совершающимися казнями, Толстой обличает лицемерие защитников государственной политики, оправдывающих своих действия. Он прямо задает им ряд исполненных негодования вопросов.

«Вы говорите, что вы совершаете все эти ужасы для того, чтобы водворить спокойствие, порядок...»

«Вы говорите, что это единственное средство успокоения народа и погашения революции...».

Толстой опровергает аргументы правительства, прикрывающего свои страшные дела соображениями «порядка», «законности» и «государственной необходимости».

«Вы водворяете спокойствие и порядок?» — взволнованно вопрошает Толстой. — «Чем же вы его водворяете?»

Особенное негодование Толстого-публициста вызывает привычный довод правительства, будто репрессии совершаются «во имя народа» и для его «блага».

Толстой приходит к единственному для всех честных людей выводу: нельзя мириться с безнравственными решениями правительства. Нельзя молчать, ибо молчание равно соучастию в преступлениях.

Здесь Толстой выступает не только как публицист, проповедник, обличающий зло, но и как глубоко страдающий человек, которому это зло причиняет нравственную боль.

В этой статье прозвучала проникновенно публичная исповедь.

«Знаю я, что все люди — люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди. Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством».

Толстой объясняет причину своего решения публично выступить против творимого зла. Толстой утверждает, что каждый честный человек, живущий в России, не может не чувствовать прямой связи между злодеяниями правительства и его собственной жизнью, поскольку эти злодеяния творятся во имя его спокойствия.

«И как ни странно утверждение о том, что все это делается для меня и что я участник этих страшных дел, — пишет Толстой, — я все-таки не могу не чувствовать, что есть несомненная зависимость» между моей жизнью и «теми страшными преступлениями, которые совершаются».

Ощущение даже косвенной причастности к совершаемым убийствам невыносимо для писателя. Он не может жить, не освободившись от этого чувства, хочет разорвать мучительную невидимую нить. И, задыхаясь от горя, он восклицает:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы, одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня, так же как на тех двадцать) или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю».

Эти слова являются вершиной всей статьи. Они потрясают, ибо Толстой выплеснул всю свою боль, невыносимую муку...

Это и слово, и поступок — публициста-гражданина.

Бернард Шоу, восхищенный мужеством Толстого, писал в газете «Favian News» о готовности русского писателя ради счастья народа «стучаться у дверей самых страшных в мире тюрем и класть голову под самый страшный и кровавый топор»

Для статьи характерны проповеднические — вопросительные и утвердительные — интонации, рассчитанные на голос совести у тех, кто причастен к обличаемым жестокостям. «Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы», — обращается к ним писатель. И далее «Вы же, что вы делаете? На что кладете свои душевные силы? Кого любите? Кто вас любит?»

Дневник и записные книжки Толстого отражают его увлеченно-радостную работу над главным философско-публицистическим трудом последних лет — «Кругом чтения». Эта книга, в которой он предложил ежедневный круг чтения, «возбуждающий лучшие мысли и чувства», мало известна широкому кругу современных читателей: она не включалась в собрания сочинений Толстого.

В течение всего 1908 г. Толстой был занят его второй редакцией: «Начерно кончил, но работы бездна. Если в день составлять, то есть исправлять пять-шесть изречений, то работы больше, чем на год, на четыреста дней. А почти уверен, что этого не проживу. Чем ближе смерть, тем сильнее чувствую обязанность сказать то, что знаю...»

Толстой привел отрывки из множества авторов разных эпох — писателей, философов, публицистов. **Его радовала возможность «входить в общение» с писателями и мыслителями разных веков, как будто нет «границ времени».** Среди духовных учителей, имена которых чаще других встречаются в Дневнике, — Лао-цзы, Конфуций, Мэнцзы, Сократ, Платон, Эпиктет, Марк Аврелий, Паскаль, Руссо, Кант, а также новейшие мыслители — Шопенгауэр и Эмерсон.

Лев Толстой высказывал свои заветные мысли и мысли мудрых людей — «плод духовных усилий всех высших лучших умов и сердец человечества», да и «не слова только» (из записей 1908 года), для приближения к «вечно далекому совершенству, тому состоянию человеческого духа, когда нет преград на пути к единению людей и теряют всякое значение

религиозные, философские, национальные и прочие различия между ними. Уже замечено, что некоторые записи «Круга чтения» приобрели особый, пророческий смысл в жизни писателя. Толстой навсегда покинул свой дом, Ясную Поляну 7 ноября 1910 г. В «Круге чтения» на этот день одна из записей звучит так: «Я не жалею о том, что родился и прожил здесь часть моей жизни, потому что я жил так, что имею причину думать, что принес некоторую пользу... Когда же придет конец, то я оставлю жизнь так же, как я бы ушел из гостиницы, а не из своего настоящего дома» (Цицерон).

Хотелось бы также отметить, что тема этого дня — ухода Толстого — в Бессмертие.

Своего читателя из будущего Толстой называет в дневнике «милым братом».

Для нас, читателей XXI века, спустя сто лет, в творчестве и дневниках позднего Толстого — великая мудрость о том, как лучше жить каждому и всему человечеству, как познать «благую любви».

Дневники, письма, статьи Л. Толстого свидетельствуют о глубине его духовного опыта.

И сегодня, спустя сто лет его философские, религиозно-нравственные искания во многом являются ответом помогает ответить на запросы нашего XXI века.

Идеалом общественного развития, по Толстому, является такое соотношение нравственности и культуры, когда культура развивается «только одновременно и немного позади нравственного движения».

«Первая мысль при известии о перелете Ла-Манша — как применить аэропланы к войне, к убийству» — признание Толстого, узнавшего об этом из газетных сообщений того времени.

Задолго до появления интернета Толстой заметил, что пресса «все более и более заменяет личное общение людей», утрачивающих спасительную беседу друг с другом, без которой не может быть понимания и единения душ.

Он предостерегал об опасности, перед которой стоит человечество: прогресс, столь прославленный в XIX веке, «перегоняет» духовное развитие, движение к нравственному совершенству.

Он обращается к нам: «...при известной степени развития внешних условий жизни книга, печать вообще сделалась средством общения людей между собой и поэтому нельзя пренебрегать этим средством».

И.В. Петровицкая